

9. Переписка А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем (1881 – 1894) // А. А. Шахматов. 1864 – 1920: Сб. статей и материалов. – М.; Л., 1947. – С. 13–104.

10. Проект обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. – СПб., 2000.

11. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв. Вып. 1–2. – СПб., 2003, 2005.

12. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков. – Вып. 1–6. – СПб., 2004–2014.

13. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1. – М.; Л. – 1965.

14. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1. – М., 1975 (издание продолжается).

15. Хитрова, В. И. Русская историческая и диалектная лексикология / В. И. Хитрова. – М., 1987.

16. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974.

17. Ein Rूसisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XYI Jahrhundert / Hrsg. Von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien; 1994 [1568 г.]

18. Oprac, A. «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. / A. Oprac, H. Bolek, A. Chodurska, Fałowski, J. Kuninska. – Krakow, 1997 [1546 г.].

УДК 82-31 (17.82.31)

А. В. Федорова

Вологодский государственный университет

ПАМЯТЬ СЕРДЦА: ПРОЗА НАТАЛЬИ МЕЛЁХИНОЙ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)*

В статье предлагается анализ основных тем, мотивов и образов в произведениях вологодской писательницы Натальи Мелёхиной в контексте традиций «деревенской прозы» XX века. Рассматриваются особенности сельского хронотопа, образы персонажей, предметный мир рассказов и миниатюр, поэтика их заглавий и некоторые специфические черты авторского стиля. Делается акцент на интертекстуальных связях ее прозы с произведениями классической русской и зарубежной литературы.

Деревенская проза, мотив, предметный мир, интертекст.

The article presents an analysis of the main themes, motives and images in the works of Vologda writer, Natalya Melyohina in the context of the traditions of "rural prose" of the twentieth century. The peculiarities of the rural chronotope, the characters' images, the objective world of stories and miniatures, and the poetics of their titles and some specific features of the author's style are described. The intertextual relationships of her prose with the works of classical Russian and foreign literature are emphasized.

Rural prose, motive, objective world, intertext.

Введение.

Когда говорят о вологодской литературе, ее ассоциируют прежде всего с «деревенской» темой. Читатель, ориентирующийся на имена таких писателей-земляков, как В. Белов и А. Яшин, ожидает, что начатый ими разговор о судьбах северной деревни будет продолжен и в новом столетии. В этом отношении важным событием в литературной жизни Вологодской области стали публикации рассказов Натальи Мелёхиной.

На сегодняшний день Наталья Мелёхина – автор трех прозаических сборников: «Медведь с заплатой на ухе» (Вологда, 2012), «Забывай как звали» (Вологда, 2013) и «По заявкам сельчан» (электронная версия в рамках проекта «Том писателя», 2015). Кроме того, Мелёхина довольно активно публикуется на сайте «Проза.ру», где представлены произведения, не вошедшие в сборники. Совсем недавно, в августе 2015 года, писательница стала обладателем федерального гранта для издания книги о вологодской деревне. Сборник «Медведь с заплатой на ухе» в 2012 году получил награду «За лучший дебют» в конкурсе «Вологодская книга года». В 2014 году

рассказ «По заявкам сельчан» занял I место в номинации «Проза» журнала «Дружба народов».

Основная часть.

Слово «память» и производные от него едва ли не самые частотные в языке писательницы. Батюшковский мотив «памяти сердца» («Мой гений», 1816) определяет идейную структуру большинства произведений: рассказов «Древо жизни», «Все перемелется», «Сердце без лапок», «Яша и Маша», «По заявкам сельчан» и цикла миниатюр «Дорогие вещи». По мнению Мелёхиной, он предельно акцентирован в творчестве большинства современных поэтов и писателей-вологжан: «все они обладают <...> особой созерцательностью <...>. Той самой «памятью сердца»» [5]. Рассуждая о вологодских поэтах начала XXI века (Лета Югай, Антон Чёрный, Ната Сучкова), она отмечает общий для этих авторов «момент определенной ностальгии – по уходящему образу жизни, по провинциальной культуре, по традиционному самосознанию русского человека» [4].

Главной темой ее творчества является жизнь современной вологодской деревни. Однако эта тема не может быть рассмотрена как дань литературной моде

и местной традиции. Наталья Мелёхина сама выросла в деревне и знает эту жизнь отнюдь не только по книгам. В интервью газете «Наша Вологда» она объясняется на этот счет так: *«тема выбрала меня, а не я тему»* [5]. Мелёхина далека от того, чтобы писать о сельской идиллии: ее деревня опустела, почти обезлюдела. После «великих переломов» XX века, нанеших удар по крестьянам, начался период «тихого апокалипсиса», когда деревня оказалась вынуждена сама решать вопрос выживания.

Сельский хронотоп в ее рассказах (во многих действие происходит в деревне Паутинка) реализует мотивы запустения и умирания, как, например, в рассказе «Яша и Маша»: *«Опустится на вологодскую землю ночь. Прикрытые простыней неба, будут стоять в деревнях брошенные избы. Мерзнуть им зимой, мокнуть им осенью, в напрасной надежде поджидать хозяев весной и летом. Во тьме никто не зажжет ни света ни от свечи, ни от электрической лампы, ни от огня русской печки. И ноют скрипят на погоду старые матицы, и болят внутренности избы»* [3, с. 46].

Впрочем, Мелёхину социальная проблематика интересует гораздо меньше, чем ее предшественников в региональной литературе. Она не ищет виновных, никого не обличает, ни к чему не призывает. В ее прозе нет ощущения безысходности, которую мы видим, например, в трилогии Василия Белова «Час шестый». Писательница называет деревни русского Севера «местом силы»; добавим, что это еще и территория памяти и милосердия – с помощью именно этих мотивов реализуется основная тема.

В деревне происходит действие большинства ее рассказов: «Тяга», «Все перемелется», «Наследники», «Как Байкала хоронили», «Сердце без лапок», «По заявкам сельчан» и многих других.

Кроме места действия, подробностей деревенского быта, пейзажных описаний, с традициями «деревенской прозы» соотносится и устойчивый в прозе Мелёхиной тип героя-чудика, наиболее ярким воплощением которого является дурачок Женя из рассказа «По заявкам сельчан». Так же, как и в рассказах Василия Шукшина, именно чудики оказываются носителями какой-то высшей мудрости. Они просто знают, что смысл жизни человека – в естественной связи с окружающим миром, в чувстве корней, способных исцелять болезнь духа.

Среди ее персонажей много «бракованных», как определяет их О. Ильинская в предисловии к сборнику «Забывай как звали» [2], [3]. Это люди, мучимые физическими недугами или считающиеся психически неполноценными: Женя («По заявкам сельчан»), Валера («Сердце без лапок»), Саня и Гера («Забывай как звали»), Венюха, Фая и Тася Лыжница («Паутинка любви»), дядя Гриша (сквозной персона в рассказах «Тяга», «Древо жизни», «Всё перемелется», «Наследники»). Именно с образами этих персонажей связано авторское представление о милосердии и любви как основе общей жизни: в космосе русской деревни все связаны друг с другом. Американка Фланнери О'Коннор писала о том, что милосердие меняет человека, и это изменение всегда му-

чительно. Постоянная нравственная боль, которую испытывают герои Мелёхиной, является мерилем их человечности.

Женя «передает» концерт для умерших родителей и односельчан в телефонной будке в своей уже не существующей деревне. В этом эпизоде есть что-то от магического реализма. Данный термин обычно используют применительно к латиноамериканской прозе и особенно к творчеству колумбийца Габриеля Гарсиа Маркеса (роман «Сто лет одиночества»). Каждая деталь в отдельности сохраняет свою конкретность, точность, предметность, но образ мира в целом или какое-то важное сюжетное событие выглядит ирреальным. У Маркеса это, например, эпизод вознесения на простынях Ремедиос Прекрасной. Подобное ощущение возникает и в финале рассказа Мелёхиной. В красной телефонной будке среди сугробов герой выходит на прямую связь с Богом: *«Алё, Боже? Это я, Женя из Васильевского. Помогите мне, Отец Небесный, домой вернуться, избу свою отыскать»* [3], [16]. И читателю хочется верить, что одинокий голос дурачка, поющего в телефонную трубку частушки и романсы, будет услышан. Впрочем, писательница дает вполне реалистическое, бытовое объяснение замысла этого сюжета: *«В моей деревне есть телефонный аппарат, как в рассказе. Но саму будку так низко приладили на столбе, что взрослый может позвонить, лишь встав на колени, словно на молитву»* [из частной переписки с автором].

Ограничивая действие, как правило, небольшим числом персонажей, одной динамичной сюжетной линией, коротким временным промежутком, в котором происходят основные события, автор создает выразительные психологические зарисовки. Большинство героев Мелёхиной – люди общей судьбы, переживающие «тихий апокалипсис» северной деревни, с «необщим» выражением лица.

Тема памяти, ее ответственности за прошлое и настоящее отчетливо выражена в цикле миниатюр «Дорогие вещи», в котором детали окружающего мира тщательно анализируются на уровне возникновения чувств. Толчком могут быть звуки музыки («Ветер с моря дул»), «тактильная» память («Просто блюз»). Важную роль в реализации этого мотива играет предметный мир. Самая обычная вещь (рубашка отца, платок бабушки, собачий ошейник) «запускает» механизм воспоминания о самом главном – доме и семье (миниатюра «Дорогие вещи»).

Индивидуальная память рассказчика (образ автобиографический), предельно детализованная, сохраняющая мельчайшие воспоминания о проведенном в деревне детстве, о людях (родных и соседях), о предметах, формирующих представление о бытовом начале жизни, о первых ее уроках, полученных в природном пространстве. Об этом говорят и названия ее произведений, в которых, как правило, фиксируется само воспоминание («Первый снег», «Красный велосипед», «Дедушка», «Друзья детства»), или отражается народная мудрость («Всё перемелется»), Личная память является частью памяти общей, для которой ценен каждый миг, каждый

встреченный человек. В общей судьбе русского крестьянства, в ее круговороте отдельное воспоминание оказывается необходимым условием сохранности прошлого, актуализации исторической памяти, сохранности деревенской цивилизации.

Н. Мелёхина – филолог по образованию, и в ее прозе угадываются множественные литературные аллюзии. Это и иронически переосмысленный Н. В. Гоголь в «Жаре под Рождество» (мотив «заколдованного места», образ колдуна Ивана Жары, да и само заглавие, отсылающее к «Ночи перед Рождеством»), и «осенняя рефлексия», связанная в сознании читателя с лирикой А. С. Пушкина, и некрасовский мотив «несжатой полосы» в миниатюре «Яблоки и картофель», и бунинский лиризм, и обделенные судьбой люди в рассказе «Забывай как звали», напоминающие героев бестселлера Джона Стейнбека «О мышах и людях», и сам образ деревни, который может быть осмыслен в контексте не только беловской традиции, но и, допустим, американской деревенской прозы (Уильям Фолкнер, Фланнери о'Коннер), для которой разрушение естественного сельского уклада жизни стало такой же трагедией, как и для жителя русской провинции.

Это может быть и использование узнаваемого литературного приема, как в случае с рассказом «Забывай как звали». Сюжет рассказа – поездка двух музыкантов в поселок Первомайский (Первач), где у каждого живут родственники. Это место, увиденное глазами рассказчика, воспринимается как inferнальный хронотоп, «черная дыра», затягивающая в себя и жителей поселка, и приезжих. Первач разрушает человека, и дело не только в социальной неустойчивости живущих здесь людей (пьянство, жестокость, агрессия). Первач сам по себе – мрачная сила, и энергетика пространства определяет поведение человека. Так выглядит Петербург Ф. М. Достоевского в некоторых эпизодах «Преступления и наказания» или безымянный город в романе Гарсиа Маркеса «Недобрый час», таким видел Воронеж О. Э. Мандельштам. Аллюзию одного из стихотворений «Воронежских тетрадей» можно обнаружить в рассказе Мелёхиной. В апреле 1935 года, находясь в ссылке, Мандельштам пишет: *«Пусти меня, отдай меня, Воронеж: // Уронишь ты меня иль проворонишь, // Ты выронишь меня или вернешь,— // Воро-*

неж — блажь, Воронеж — ворон, нож». Сравним у Мелёхиной: *«Первач – режет и рвет, рвач – не врач»* [2, с. 46]. Так же, как у Мандельштама, с помощью анаграммы топоним «разложен» на смысловые части, актуализирующие его содержание в тексте рассказа как места бездуховности, болезни, распада, смерти.

И еще несколько слов о языке мелехинской прозы. Несмотря на то, что писательница всегда говорит об очень личных, по-человечески дорогих ей «вещах», он совершенно лишен сентиментальности, но при этом глубоко лиричен. Она избегает сложных образных конструкций, разговаривая с читателем с предельной простотой. Слог у нее может быть резким (рассказ «Забывай как звали»), но эта тональность оттеняет глубину и искренность сострадания автора по отношению к герою. Режиссер Анатолий Эфрос, характеризуя стиль Эрнеста Хемингуэя, увидел в нем «святую смесь» нежности и мужества. Полагаю, что данное определение отражает и стилистические особенности прозы Н. Мелёхиной.

Выводы.

Писатель всегда ищет в литературе свою тему, своего героя, свой стиль, и в этом на помощь ему приходят помимо языка и генетической памяти, связующих его с национальными культурными традициями, помимо «укорененности» в пространстве, где протекает его жизнь, духовной опыт тех, чьи книги определяли в какой-то мере направление поисков.

Творчество Натальи Мелёхиной – доказательство того, что память сердца не избирательна.

Литература

1. Беседа о вологодской литературе. – URL: <http://www.proza.ru>.
2. Мелёхина, Н. Забывай как звали / Н. Мелёхина. – Вологда, 2013.
3. Мелёхина, Н. По заявкам сельчан / Н. Мелёхина. – URL: <http://www.litres.ru>.
4. Мелёхина, Н. Все вологодские литераторы – наследники Батюшкова, Рубцова и Белова / Н. Мелёхина. – URL: <http://cultinfo.ru>.
5. Провинциальный сюжет: интервью с Натальей Мелёхиной. – URL: <http://nvologda.ru>.

УДК 821.161.1+821.11/92

М. А. Черняк

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

«РОЗОВЫЙ РОМАН» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖАНРА

Статья посвящена современному любовному роману, тенденциям развития жанра и его положению в современной массовой литературе. В статье показано, что, не представляя заметных художественных достоинств, русский любовный роман воспроизводит своеобразный слепок эпохи, демонстрирует рожденную в соответствии с гендерными канонами и обыденными стереотипами модель личности нового века. Русский любовный роман конца XX – начала XXI вв. (или «розовый ро-